

Андрей Ивонин

Ищу человека

Черновик

Утро, похожее на черновик:
слово, ещё одно слово, помарка.
Комната, лестница, улица, арка,
выход во двор, переулок, тупик.
Годы... зачёркнуто.
Счастье... зачёркнуто.
Будто с ног на голову перевернута
жизнь. Холодок от реки.
Кухонных диспутов крестики-нолики,
чайник на шатком обшарпанном столике
пишутся с новой строки.
Где я? Забор в рыжеватой окалине.
Богом затерянный дом на окраине.
То ли Братеево, то ли Чертаново.
Всё переписано. Начато заново.

Ищу человека

Ищу человека. По следу
по белому свету иду.
За ним зябкой полночью еду.
На станции с поезда жду.
Повсюду, везде, повсеместно.
Неделю, и месяц, и год.
Мне имя его неизвестно,
ни улица, где он живёт.
Ищу. Продираюсь сквозь темень
настойчивей день ото дня.
А он в то же самое время,
наверное, ищет меня.
Он словно потерянный ходит,
судьбу свою горько кляня.
И тоже меня не находит.
И так же страдает, как я.
Иду наудачу, плутаю.
Ищу, как иголку в стогу.
Но твёрдо одно только знаю,
что я без него не могу.
И так до скончания века
ищу одного, моего,
единственного человека.
А вы не встречали его?

Война

Скажешь с досадой: пошёл ты на...
Разве не видишь—идёт война?
Идёт война, разрази меня гром,
света со светом, добра с добром.
Война всех со всеми и против всех
всех поровну делит на этих и тех.
Чуешь под кожей воинственный зуд?
Око за око, зуб за зуб.

Эти считают, что правы, а те
уверены так же в своей правоте.
Ни этих, ни тех не упрятать в рукав.
Каждый из них по-своему прав.
В каждом есть свет, и на каждом вина.
Вот потому и идёт война,
в которой не так уж и важен успех.
Война всех со всеми и против всех.

Поэт

День короткий тает.
Лысоват и сед,
нам стихи читает
пожилой поэт.
Хрипловатый голос,
отрешённый взгляд.
Он, как цепом колос,
временем помят.
С юношеским жаром,
с книгою в руке,
в полинялом старом
сером пиджаке.
Не застёгнут ворот.
И года не в счёт.
Он давно немолод
и, наверно, пьёт.
Подорвали силы
суетны дела.
Жизнь его долбила
и не берегла.
Но не доломала.
И летят легки
над притихшим залом
бабочки-стихи.

● ● ●
Такая погода: ни зги не видеть
и ветер промозглый.
Ещё уходящее время догнать,
быть может, не поздно.
Быть может, не поздно вскочить на ходу
в автобусик тесный.
Пусть где-нибудь с краю, не в первом ряду
занять своё место.

Но хмурое небо, пожалуй, не даст
последнего шанса.
Хрустит под ногами слежавшийся наст.
Три дня до аванса.
Хоть как-то дожить, доползти, дотянуть
до счастья, до лета.
И в этом желанье сегодня вся суть
моя как поэта.

● ● ●
Никто и ни в чём не виноват.
Как Джотто и Пикассо—
мы в разных системах координат,
шкалах глубин и высот,
где условные Кеплер и Птолемей
неравный ведут отсчёт.
Где линия жизни моя твоя
ни разу не пересечёт.

Горе

Сидя в плетёном кресле,
за временем не следить.
Можно представить, если
крепко глаза закрыть,
здесь, среди вечного лета,
словно бы наяву,
где-то, за краем света,
предпраздничную Москву.

Можно увидеть украдкой,
будто бы вон, вдали:
пряничные палатки,
Старый Арбат, Фили.
Улочки в снежной истоме
торжественны и тихи.
Меня в нашем старом доме,
пишущего стихи.

Вот оказаться где бы...
Очнёшься, глаза открыв:
над головою небо,
а под ногой прилив.
До горизонта море.
Такое житьё-бытьё.
Горе моё ты, горе.
Луковое моё.

Лётчик

Стрелой пернатой, камнем из пращи
взмываю ввысь—ищи меня, свищи!
В порыве вдохновения, в азарте
я поднимаюсь выше облаков.
Ещё, казалось, здесь—как был таков!
Уже лишь точка на планшетной карте.

Я невесом и лёгок, словно пух.
От скорости захватывает дух.
Здесь дальше горизонт и ярче звёзды.
Крылом поймав воздушную струю,
я ей дышу и пьяный ветер пью,
винтом железным вспарывая воздух.

Смотри за мной внимательней, дружок.
Я совершаю затажной прыжок
с земли до неба. В голубом атласе
небесных сфер летит мой самолёт:
как птица, кувыркается и вот—
ныряет вниз и выпускает шасси.

Импрессионисты

Май. Цветение сирени.
Пахнет свежестью земля.
Небо, солнце, свет и тени,
маки, крыши, тополя.
Ранним утром на пленэре,
взяв этюдник и мольберт,
в Буживале и в Аньере
или в Эксе, например,
за фиксацией мгновений,
чтобы только бы успеть
ворох новых впечатлений
на холсте запечатлеть.
Ощутить их в полной мере
поспешим скорей сюда.
Здесь, друзья, в Ла Гренуйере
плещет золотом вода.
Здесь, как музы на Парнасе,
женщины—лови момент!
У мамыши Клэр в запасе
есть кальвадос и абсент.
Ярче день, и небо ближе.
Аржантёй и Пти-Женвиль.
Ведь отсюда до Парижа
лишь каких-то восемь миль.
Полчаса—всего лишь—тряски.
Рельсы, шпалы, поезда.
Только кисти, только краски.
Только солнце и вода.

Облака глядятся в окна.
Мутной Сены берега.
Ещё влажные полотна
Ренуара и Дега.